

Гулак Оксана Валерьевна

психолог, магистрант,

Казахский Национальный педагогического Университета им. Абая

Gulak O.

psychologist, student,

Kazakh National Pedagogical University

ТАВИСТОКСКАЯ МОДЕЛЬ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА МЛАДЕНЦЕМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПСИХОЛОГА

TAVISTOCK INFANT OBSERVATION MODEL AS A FACTOR FOR DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGIST'S PROFESSIONAL IDENTITY

Аннотация. Исследованы аспекты влияния обучения по Тавистокской модели наблюдения за младенцем на формирование профессиональной идентичности психолога.

Ключевые слова: Наблюдение за младенцем, профессиональная идентичность психолога, психоанализ.

Annotation. The aspects of the impact of Tavistock model of infant observation on the development of psychologist's professional identity.

Key words: infant observation, psychologist's professional identity, psychoanalysis.

Обобщая анализ и исследование литературы, посвященной вопросам становления и формирования профессиональной идентичности психолога, мы можем выделить несколько способностей специалиста, которые мы могли бы оценить как ядро его профессиональной идентичности. А именно: эмпатия [1, с. 385; 2, с. 166–167], способность к рефлексии [3, с. 76], особенности реагирования на фрустрирующие, непонятные или тревожные ситуации [4, с. 362–77], а также некоторые характеристики личности специалиста в целом.

Опыт пребывания в обучении по наблюдению за младенцами по методу Э. Бик (или Тавистокской модели наблюдения за младенцем), по нашему мнению, дает возможность психологу развить данные компоненты профессиональной идентичности, что позволяет психологу добиться более глубокого понимания клиента в процессе психологического консультирования.

Тавистокская модель наблюдения за младенцем была создана более 60 лет назад и развивалась в Тавистокской клинике (Лондон, Великобритания) благодаря инициативе детского психоаналитика Э. Бик. Благодаря ей, а также Дж. Боулби, которые решили внедрить этот курс в подготовку будущих психоте-

рапевтов и психологов, наблюдение за младенцами в 1948 году стало частью программы подготовки студентов первого года обучения. Изначально данный курс был предназначен для подготовки специалистов, которые планировали работать с детьми и подростками в сфере ментального здоровья. Позже в 1960 году психоаналитическое наблюдение за младенцами вошло в программу Института психоанализа в Лондоне для подготовки не только детских психологов и психотерапевтов, но также и специалистов, готовящихся работать только со взрослыми людьми. Обучение по данному методу длится в течение двух лет. [5, с. 30].

Э. Бик разработала оригинальный, основанный на психоаналитической традиции подход, который базируется на двух главных составляющих:

1. Практическом наблюдении за младенцем в естественных условиях, когда наблюдатель приходит в одну и ту же семью каждую неделю на один час в течение двух лет в четко определенное время.

2. Анализе протокола наблюдения в специально организованной группе под руководством опытного психолога, психотерапевта или психоаналитика. Влияние группы сложно переоценить, поскольку группа служит мощным инструментом понимания и поддержки для наблюдателя. Анализ групповой динами-

ки, вербальных и невербальных процессов помогает наблюдателю лучше понимать свои переживания и эмоциональную ситуацию в наблюдаемой им семье [6, с. 163].

Особенности данного обучения, а также опыт автора данной статьи, позволяют указывать на влияние, которое оказывает Тавистокская модель наблюдения за младенцем на укрепление профессиональной идентичности, и использования результатов наблюдения в практической работе с клиентами, как детьми, так и взрослыми.

Одно из наиболее часто встречающихся среди зарубежных и российских исследователей понятий, характеризующих способность психолога работать эффективно в рамках психологического консультирования — это способность к эмпатии. Данное понятие означает способность к сопереживанию, сочувствию, соучастию. Умение поставить себя на место другого и чувствовать то, что он может чувствовать. [2, с. 180]

Эмпатическое понимание другого человека является исключительно аффективным феноменом и не является результатом интеллектуального понимания.

На сегодняшний день многие эксперты в области психологии, нейрофизиологии и психиатрии считают, что эмпатия представляет собой врожденный феномен, являющийся следствием существования так называемых «зеркальных нейронов», открытых итальянским нейрофизиологом в 1990-х годах. Между тем эта теория также подвергается критике со стороны ученых [7, с. 24].

Невозможно понять другого без наличия эмпатии. Частично данное понятие соответствует психоаналитической трактовке термина «контрперенос», в том его аспекте, когда психолог может переживать то, что переживает или переживал когда-либо в прошлом его клиент. Конечно, есть необходимость помнить о примешивании собственных личностных аспектов специалиста в контрпереносные чувства. В этом вопросе психоаналитики достаточно четко сформулировали требования и строго придерживаются их по отношению своим кандидатам, а именно — необходимости прохождения личного психоанализа, который позволяет специалисту понимать и осознавать личностные неосознаваемые чувства, мысли и проблемные психологические комплексы [1, с. 386]. Этот опыт позволяет специалисту отделять «свое» от «другого», а значит, свои личностные аспекты от привнесенного извне. В этом смысле эмпатия, как и контрперенос, становится не просто теплым сопереживанием другому, а мощным инструментом работы по пониманию внутреннего мира другого.

С нашей точки зрения психоаналитическое понятие «контрпереноса» является более многогранным,

поскольку включает не только положительные эмоциональные реакции, которые принято отождествлять с эмпатией, но также и чувства агрессии, ненависти, злости, зависти, стыда, ревности, которые может испытывать клиент к психологу. Это значит, что и психолог, используя свои согласующиеся с клиентом контрпереносные чувства, может осознавать, что происходит во внутреннем мире его клиента. [8, с. 391].

Наблюдение за младенцем дает возможность психологу развить свою эмпатию, а также способность быть более открытым к сознательным и неосознанным переживаниям ребенка и окружающих его взрослых. На наш взгляд, Тавистокская модель — это обучение по развитию эмпатии специалиста, его способности к сопереживанию чувств различного спектра. Непосредственный опыт пребывания внутри семейной структуры на протяжении длительного времени, переживание и осознание данных чувств с помощью ведущего и группы помогает специалисту быть более чувствительным к широкому спектру эмоционального опыта другого, в особенности, когда другой находится на довербальной стадии развития.

Способность к рефлексии является, на наш взгляд, другой ключевой особенностью профессиональной идентичности практического психолога [3, с. 76].

Л.С. Выготский подчеркивал важную роль рефлексии, которая позволяет человеку наблюдать себя в свете собственных чувств, внутренне дифференцировать «Я» действующее, рассуждающее и оценивающее [9, с. 112]. В связи с этим, наличие рефлексии служит когнитивно-сдерживающим компонентом при работе с чувствами и аффектами самого психолога как субъекта и эмоциональным опытом другого, который мы неминуемо будем переживать посредством таких феноменов как эмпатия, или контрперенос.

С этой точки зрения рефлексия помогает выдерживать и понимать океан чувств, помогает разделить переживающую «часть» психолога от его мыслящей или когнитивной «части», которая помогает отслеживать происходящее. Поддержание некоторого очевидного противоречия в опыте, когда мы одновременно можем и чувствовать, и обдумывать является важнейшей отличительной чертой профессиональной идентичности практического психолога.

Тавистокская модель наблюдения за младенцем, по нашему мнению, является одним из источников развития рефлексии у психолога. Понимание эмоциональной среды, в которой растет младенец, невозможно без рефлексии, которая позволяет отслеживать переживания и чувства, соотносить их с ситуацией «здесь и сейчас».

Экстернализированным прототипом внутренней рефлексии в обучении по Тавистокской модели, по

нашему мнению, является ведущий группы и сама группа. Групповая динамика, поддержка, мыслительная способность участников группы являются пусковым фактором интенсивного развития внутреннего осознания и отслеживания своих чувств наблюдателем.

Имея возможность приносить протокол наблюдения на группу, читать его, детально обсуждать наблюдатель получает возможность пережить вновь чувства, связанные с наблюдаемой ситуацией, а также осознать их связи с другими явлениями (семейной системой, влиянием личностных аспектов наблюдателя и т.д.).

Мы предполагаем, что постепенно данная способность к рефлексии чувств сознательных и предсознательных, понимание вербальной и невербальной коммуникации интернализируется и становится внутренним объектом специалиста.

Анализ исследований по профессиональной идентичности психолога показал, что важным компонентом работы специалиста является его способность к контейнированию, которая очень подробно описана в психоаналитической литературе. Современные психоаналитики делают акцент на способности психолога выдерживать непонятные, фрустрирующие ситуации, при этом не терять способность к чувствованию и обдумыванию происходящего без отреагирования (воплощения чувств или тревоги в действии). В целом данное понятие аналогично способности специалиста реагировать определенным образом в рамках фрустрирующей ситуации. [10, с. 333].

При работе с эмоциональным опытом другого специалист постоянно находится в ситуации столкновения с неизвестным, непонятным, с психологическим материалом, который перенасыщен чувствами различного спектра. И от того, какова будет реакция специалиста на столкновение с фрустрирующим, непонятым опытом, во многом зависит исход консультирования. В этой связи важна способность специалиста быть и справляться с данной ситуацией таким образом, который бы помог более глубокому пониманию внутриличностной динамики клиента. Согласно психоаналитическим воззрениям, клиент будет приносить в пространство кабинета психолога свой нынешний и прошлый опыт, в том числе и непонятные, и фрустрирующие его компоненты [8, с. 391]. Сохранять способность к обдумыванию, к рефлексии дан-

ного хаотичного, непонятного, иногда агрессивного материала, является важнейшей профессиональной чертой психолога.

Развитию способности к контейнированию, рефлексии непонятной ситуации, по нашему мнению, помогает обучение по Тавистокской модели наблюдения за младенцем. Уже сами условия и правила проведения наблюдения помогают специалисту не отреагировать фрустрирующие ситуации, а сохранять позицию невмешательства. Такие характеристики наблюдения, когда мы не даем советов, рекомендаций, не вмешиваемся в ход событий, как-будто «растворяемся» в окружении дома младенца, но при этом продолжаем наблюдать — все это и многое другое развивает способность специалиста выдерживать очень болезненные глубокие эмоциональные переживания, которые возникают в период наблюдения. У нас, как наблюдателей, есть необходимость не заплакать, не вмешаться в то, что кажется нам неправильным при воспитании ребенка, но сохранить эти тенденции внутри себя и затем обсудить их в группе [5, с. 30].

Таким образом, мы попытались теоретическим путем выявить аспекты влияния обучения Тавистокской модели наблюдения за младенцем на развитие профессиональной идентичности психолога. Мы выделили несколько базовых аспектов профессиональной идентичности психолога (эмпатия, рефлексия, способность определенным образом справиться с фрустрацией). Мы указали как Тавистокская модель способствует формированию каждой из выделенных аспектов профессиональной идентичности.

При этом мы сознательно не берем в расчет наличие глубокой теоретической подготовки психолога, которая должна существовать априори. Также важен аспект приверженности специалиста к той или иной психологической школе или технике психологического консультирования, которые будут оказывать влияние на особенности его работы.

Мы понимаем, насколько широк спектр влияния составляющих профессиональной идентичности психолога на эффективность его работы, но в рамках данной статьи мы выделили, на наш взгляд, одни из характеристик, которые выступают ключевым аспектом глубины понимания психологом клиента, в особенности, если специалист работает в рамках психоаналитической и глубинной (юнгианского подхода) модели консультирования.

Литература

1. Гринсон Р. Теория и практика психоанализа. — Москва: Когито-Центр. — 2003. — С. 385.
2. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность / Монография. — Москва: МОСУ. — 2001. — С. 166–167.
3. Мусихина Е. В. Психолого-педагогические условия формирования профессиональной компетентности студентов-психологов в системе высшего образования / Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. — Алматы. — 2007. — С. 76.
4. H. Shmuel Ehrlich. Forum der Psychoanalyse / Discussion about psychoanalytic identity. — 2003. — P. 362–77.
5. Rustin M. Esther Bick's legacy of infant observation at Tavistock — some reflections 60 years on / Infant Observation Journal, vol.12. — 2009. — № 1. — P. 30.
6. Bakalar N. Learning from infant observation / Intimate transformations. Babies with their families // Edited by J. Magagna, N. Bakalar, H. Cooper, J. Levy, C. Norman, C. Shank. — London: Karnac. — 2005. — P. 163.
7. Косоногов В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор / Lib.ru // Современная литература. — 2009. — С. 24.
8. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. — С.-Петербург: Питер. — 2001. — С. 391.
9. Выготский Л. С. Проблемы развития психики // Собр. соч. — № 3. — Москва. — 1983. — С. 112.
10. Хиншелвуд Р. Д. Словарь кляйнианского психоанализа. — Москва: Когито-Центр. — 2007. — С. 333.